

К XVIII съезду комсомола коллектива Государственного академического русского театра драмы имени Лермонтова готовит спектакль по пьесе Михаила Шатрова «Мои Надежды». Надежды — это не только имена ткачих разных поколений, это надежды автора на то, что непреходящие ценности нашего времени передаются эстафетой поколений в молодые рабочие руки — достойные и надежные.

Заслуженной артистке Казахской ССР Лие Владимировне Нэльской играть в этом спектакле и легко, и трудно. Легко — потому что вся ее жизнь и творчество — лучший образец наставничества, трудно — потому что легких путей в искусстве нет.

В СЕРДЦЕ БЫЛО МОЕМ...

На сцену Лия Владимировна пришла совсем юной. Пришла работать и одновременно постигать сложные секреты актерского мастерства. Училась на собственном опыте, на ошибках, на победах.

Кажется, что все существо актрисы направлено на одно — отбор характерных черт собственного поведения и поведения окружающих для создания сценического образа. Потому-то героини Нэльской и вызывают острое сочувствие, что актриса тонко улавливает любую боль и, даже не принимая человека, сострадает ему, каждый раз словно примериваясь к его судьбе. И трудно понять, чего здесь больше: профессиональной привычки или простой человеческой доброты.

Нэльская — актриса, умеющая показать самые сокровенные движения души героини. Образы, созданные ею, невозможно определить одним словом, — поступки их всегда многозначны.

Стоит вспомнить одну из последних работ — роль матери в спектакле В. Бирюля по пьесе молодого ленинградского драматурга Е. Соколовой «Фантазии Фарятьева». Мать стремится дать своим дочерям счастье, но в погоне за ним она может перешагнуть через страдания дочерей, не заметить их, — и этого актриса прошать не хочет. Она очень точно покажет, где ее героиня за стремлением соборности форму внешнего

благополучия перестает искренне чувствовать.

Нэльская на редкость ансамблевая актриса, и это обусловлено не только характером ее дарования, но и чувством товарищества на сцене, ответственностью за судьбу спектакля. Какими же средствами выражает актриса глубину и правду образа? Здесь необходимо вспомнить еще об одном чрезвычайно важном качестве таланта Нэльской: стихийном артистизме, природной тяге к представлению, предразличиванию — тому, что в старину называли лицедейством. Вкус к форме, актерство в чистом виде, которое заключается в способности из множества видимых всем примет человека отобрать минимум деталей и дать концентрированное представление об этом человеке, то есть, в сущности, его образ. Нэльская часто говорит: «Я хотела бы сыграть этого человека» — и показывает. Острый, порой эксцентрический пластический рисунок — и мы видим самую суть поведения человека. Таких этюдов у Лии Владимировны множество. Они вызваны неистощимым актерским темпераментом и подсознательно тренируют актерскую наблюдательность.

Большая психологическая подвижность, сценический темперамент и острая пластическая выразительность делают ее актрисой почти неограниченных возможностей — от буффонных до трагических образов.

Сваха Ханума («Тифлиссские свадьбы»)

в исполнении Нэльской — веселая, озорная, задирстая и в то же время женственная, застенчивая. Ее профессия — устраивать человеческие судьбы, и только в собственной судьбе она не может разобраться.

Законченное выражение мастерство актрисы получает в сцене маскарада. Ханума, чтобы заставить князя отказаться от женитьбы на юной красавице Соне, переодевается в ее платье и является вместо девушки на смотрины. В бело-розовом платье, с немислимыми буклями, с огромным приклеенным носом «невеста» входит в комнату. Она сильно хромает, одно плечо значительно выше другого, но это не мешает ей жеманно прыгать, кокетливо поглядывать на князя, гнусаво любезничать, пританцовывать вокруг жениха, ни минуты не задерживаясь на месте, так что у бедного князя

рыбит в глазах, наконец, старательно петь вокализы. Поет «красавица» громко, фальшиво, но с огромным чувством. Князь в обмороке, зрительный зал изнемогает от хохота. Но странное дело, мы вдруг начинаем чувствовать жалость к этому убогому бело-розовому существу. В голосе «невесты» мольба. Ей так хочется, чтобы ее любили... Вкрадывается щемящая нота маленького обиженного человека. Пусть на мгновение, но это уже не забудется. Конечно, и Ханума, и Нэльская смеются над незадачливой «невестой», но в этом смехе есть капля горечи.

Одним из высших достижений в творческой биографии Нэльской было создание образа Мининой в спектакле «Две зимы и три лета», поставленном народным артистом Казахской ССР, заслуженным деятелем искусств Карельской АССР М. В. Сулимовым. Спектакль этот был победой театра.

Судьба Мининой — одна из судеб женщин военного поколения, на чьи плечи легли все обязанности ушедших на фронт мужчин. В суровое время выдало Минину быть председателем колхоза.

...Маленькая, неброская, руки спокойно и устало опущены, чуть шаркающая походка. И голос негромкий, нет в нем задирстого окрика лихих деревенских баб. Идет эта манера не от слабости, не от равнодушия, а напротив, от внутренней силы и сознания собственной правоты. Слиш-

ком велико ее убеждение, что людей надо уважать, что интересы людей должны стоять на первом месте, и никакие, пусть вполне резонные, оправдания беспощадного отношения к людям не могут поколебать этого убеждения. Образ, созданный режиссером Сулимовым и актрисой Нэльской, исторически бесспорен и точен. Именно Минина приносит с собой на сцену атмосферу изматывающего труда, стремления и веры в победу. Стоит вспомнить сцену разговора Мининой с Подрезовым. Его на сцене нет, звучит голос, усиленный микрофоном, неотступный, заполняющий все пространство, а Минина стоит одна на пустой огромной сцене, как перед судом, слушает слова обвинения. Она почти не пытается защищаться. Лишь слабо поводит рукой, пытаясь показать, что она имеет что возразить начальству, но сразу прекращает свои безнадежные попытки. Она прекрасно отдает себе отчет в том, что ее маленькая «местная» правда, попытка защитить голодных и усталых людей будет сметена словами большой правды о войне, о всенародном горе. Минина согласна с этой большой правдой, но не может безоговорочно принять ее — мешает жалость и уважение вот к этим, конкретным, близким людям.

О роли Мининой можно писать много — восхищаться верностью найденных интонаций, пониманием социальных корней образа, — но все это тема для специального разговора. Здесь же необходимо сказать о том, что в образе Мининой очень много от личного отношения Нэльской к миру, к людям. У актрисы и ее героини — общие представления о нравственных ценностях.

И здесь мы касаемся еще одной проблемы, которая возникает при знакомстве с творчеством Нэльской. Проблема эта неизбежна для всякого, кто интересуется современным театром: роль личности актера в его творчестве. Ведь «инструментом» для актера служит прежде всего его душа: актер несет на сцену свой внутренний мир. И его идеалы, нравственность, внутренняя высота, то есть то, что кажется таким частным, касающимся самого только человека, обрачивается профессиональными чертами. Говоря о человеке и актрисе Нэльской, хочется сказать слова о бескомпромиссности, о служении долгу, о жизни, отданной театру. В связи с личностью Нэльской слова эти наполняются живым трепетным содержанием — так, словно они произнесены впервые. Театру действительно отдается вся жизнь, отдается щедро, без рабских утайки...

Л. ШОРИНА.